

Линн и Хьюз наблюдали, как их фигуры постепенно уменьшались, превращаясь в чёрные точки, и окончательно исчезали в качающемся ветре.

*

Утром, без пап дома, птенцам было неизбежно одиноко, а снаружи по-прежнему дул холодный ветер.

Хотя завтрак был сытным, Линн действительно плохо переносил голод и был нежен, и ещё не прошло и половины дня до полудня, как его живот уже заурчал.

Остальные же птенцы, от скуки, крепко спали, а рядом Первый всё ещё был с открытыми глазами, время от времени поклёвывая несколько зёрен в гнезде, чтобы поточить клюв.

Линн тихо похныкивал.

Линн плотнее сжал свои перья, стараясь игнорировать голод в животе, но, к сожалению, это плохо помогало.

Его нельзя было винить в том, что он слишком быстро проголодался — его питание отличалось от питания других птенцов.

Остальные птенцы ели грубую пищу и, естественно, голодали не так быстро, а он всё ещё ел полужидкую кашу, которая быстро переваривалась, поэтому и голод наступал быстрее.

Обычно, когда папы были рядом, это не ощущалось, но теперь, когда папы не могли вовремя покормить, Линн естественно сильно проголодался.

Прошло ещё неизвестно сколько времени, Линн голодал до головокружения, и снова почувствовал, как что-то приблизилось. Он приоткрыл свои щелевидные глазки и взглянул.

Сидящий рядом Хьюз склонил голову, разглядывая его. Вялый Линн безучастно похныкал пару раз и, увидев, что это не папа, который может его накормить, снова уныло втянул голову.

Первый Хьюз приблизился и потёрся о клюв Линна.

Не осознавая ничего, Линн инстинктивно открыл клюв... ещё не понимая, что происходит, он почувствовал, как в его клюв хлынула тёплая струйка.

Хотя и ненадолго, Линн причмокнул, пробуя на вкус, — это был вкус зерновой кашицы.

Он широко раскрыл глаза, глядя на близкие маленькие чёрные глазки. Хьюз имитировал действия пап, кормил его...

Линн не отказался и получил несколько больших глотков кашицы.

Ему было немного стыдно, что о нём заботится полувзрослый птенец. Но отказываться он не мог, и хотя немного еды, которую отдал Первый, не насытило его полностью, голод наконец отступил.

Он застенчиво потёрся о щеку Первого, желая выразить благодарность.

Хьюз смотрел на него и, казалось, понял, что тот больше не голоден, поэтому перестал его кормить.

Линн тоже не был жадным, прижался ближе к Первому и нежно устроился рядом, согреваясь.

Он действительно чувствовал, что Первый очень крепкий, словно тёплый пушистый коврик, и тепло медленно проникало в слегка замёрзшие кончики крыльев Линна...

Погода наконец потеплела, и птенцы снова быстро подросли.

Линну тоже стало комфортнее, хотя, поскольку птенцы выросли, гнездо естественно стало теснее, из-за чего Линна часто выталкивали на край, а затем Первый снова заталкивал его обратно, давая Линну немного свободного места, чтобы удобно спать и расти.

Папы-птицы тоже вздохнули с облегчением: как только погода улучшилась, добывать пищу стало легче, и птенцам больше не приходилось голодать. В первый же солнечный день они спешно улетели и, вернувшись, накормили птенцов досыта.

У Бру и Кека наконец-то появились лишние силы, чтобы уделить внимание самому слабому Линну.

Второй Линн выжил и начал отращивать здоровый пушок.

Первый Хьюз оставался таким же: ел больше всех, был самым крепким и совсем не похудел.

В дни, когда вернулось солнце, после обильного кормления Первый Хьюз снова подрос. Он выглядел лоснящимся, блестящим и невероятно бодрым.

Птенцы в каждой семье в основном достигли этой стадии: у них отросли перья, покрывающие тело, и хотя маховые перья ещё не отросли полностью, даже если родители-птицы надолго покидали гнездо и не обращали на них внимания, не нужно было беспокоиться, что они замёрзнут.

Они уже были способны самостоятельно регулировать температуру тела.

Даже у Линна на теле быстро отросло много перьев.

Возможно, потому что он пережил самые холодные и голодные дни, его тело начало быстро развиваться, и теперь, греясь под тёплым солнцем, Линн радостно смотрел на свои белые перья. Кроме того, что под крыльями было немного лысо, а перья не были слишком густыми, Линн наконец увидел, что он стал похож на других птенцов.

Кроме Бру и папы Кека, которые были немного молчаливы.

Поскольку Линн не видел своё лицо, он, естественно, не знал, что рядом с его изогнутым клювом короткий пушок ещё не отрос, и он выглядел по сравнению с другими птенцами больше как лысый птенец.

— Остальные птенцы уже прошли эту стадию, — тихо сказал Кек. — Подрастёт ещё — и всё будет хорошо.

Бру помолчал, затем с трудом, с неловкой совестью, произнёс:

— Хохолок у Второго отрос. Но за хохолком... лысина, видна кожа, смотри, действительно ни одной перьевой трубочки не вылезло.

То есть, когда Второй вырастет, он, скорее всего, будет лысым.

К счастью, у попугаев Ньютег от природы длинный хохолок, который может прикрывать голову, иначе лысина была бы всегда на виду, и как это было бы некрасиво...

Услышав это, Кек тоже с сомнением заколебался.

Ещё до того, как Второй вылупился, они предвидели, что у него могут быть проблемы с развитием, и с этим ничего не поделаешь... Лысина тоже возможна.

— Это не сильно важно, — мог лишь утешить Кек.

Самая большая проблема заключалась в том, что они оба не знали, сможет ли Второй дожить до взрослого возраста.

Хотя в их гнезде было много собратьев, это не было определяющим фактором для успешного выживания птицы.

Всё зависело от усилий самого птенца. Бру и Кек могли лишь утешать друг друга, стараться ещё больше добывать пищу для птенцов, кормить их каждый раз досыта, стремиться давать питательную еду, чтобы они выросли высокими и крепкими.

Всего этого Линн не знал.

Полувзрослые птенцы лишь слышали, как папы говорили им:

— Дети, вы скоро вступите в настоящий подростковый период, когда ваши маховые перья полностью отрастут, вы почти сможете учиться летать.

Он был немного взволнован и, казалось, доволен.

Птенцы, становившиеся с каждым днём более крепкими, теперь были размером почти в две трети обычного попугая.

Но переживающие за птенцов папы-птицы всё ещё ворчали, что те ещё не стали по-настоящему взрослыми, и каждый день по очереди бдительно охраняли их, присматривая за гнездом.

Но дупло-гнездо уже не могло вместить кучу полувзрослых птенцов, и папы больше не могли их обнимать.

Их гнездо стало ещё более тесным.

В настоящее время втиснутые в птичье гнездо комочки... Линн каждый день стонал, что его вот-вот раздавит в птичью лепёшку.

Он перевёл дух, взглянул на Первого Хьюза, но, к сожалению, на птичьем лице по-прежнему нельзя было разглядеть эмоций.

Линну немного не терпелось, он с нетерпением ждал, когда сможет поскорее покинуть тесное гнездо.

Как раз думая об этом, Линна снова толкнул другой птенец, вытеснив с места, и только Первый оставался недвижимым. Линн ещё больше завидовал и ревновал — кто виноват, что он сам не вырос таким крепким? Он снова прилип к Хьюзу. Два других птенца не слишком хотели приближаться к Первому, поэтому больше не толкали Второго.

Погода была ясной, и птичий мир снова наполнился шумом.

Бодрые крупные птенцы почти все вытянули шеи, желая посмотреть, что происходит снаружи.

Даже ленивый Первый с любопытством подглядывал за происходящим снаружи.

Попугаи от природы любили общаться и резвиться, каждый день перекликались, и на деревьях и под ними царили сплетни из каждого дома.

Тётка-птица снизу снова громко ругалась с пролетавшим мимо рассеянным молодым попугаем:

— Ты что, ослеп! Прибью тебя!

— Не нужно так свирепствовать, — возмущённо крикнул молодой попугай, захлопал крыльями и вступил в драку. — Я не тот, что в прошлый раз...

— Какая разница, кто ты! Вы, молодые птицы, которые ничего не делают, только и знаете, что сбиваться в стаи и устраивать беспорядки!

Линн слушал с большим интересом, он слышал, как папы Бру и Кек тоже вполголоса обсуждали, что она очень свирепая и любит пользоваться чужим.

— Дорогая, — с соседнего дерева, из семьи наискосок, папа-птица снова затянул хриплым голосом песню, — я люблю тебя~ а~ а~

— Какой кошмар! — раздался злой женский голос, звуки хлопанья крыльев и ударов.

— Ты не можешь мне запретить, это птичья природа — каждое утро петь песню... выражая мою любовь к тебе...

Вскоре после этого Линн поднял голову и увидел, как высоко в небе пролетела большая птица.

Присмотревшись, он снова увидел, что это Глава клана патрулирует территорию, грациозно пролетая по небу. Ему не терпелось, он посмотрел на свои крылья — его перья тоже почти отросли.

Линн инстинктивно захлопал крыльями, пытаясь почувствовать, каково это — летать на месте.

Первый склонил голову, посмотрел на него, но прежде чем Линн успел что-либо осознать, два других птенца рядом с ним тоже начали махать крыльями.

<http://bllate.org/book/15502/1395696>